

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ МЫ ИЗБИРАЕМ

По данным ВЦИОМ в апреле 2021 г. «число россиян, не строящих долгосрочных планов, возросло по сравнению с 2019 г. с 67% до 84%»¹. Более подробный опрос показал; что 21% опрошенных планируют жизнь на несколько лет вперед, 28% планируют ее лишь на несколько месяцев, 48% вообще не строят планов и живут сегодняшним днем, 3% затруднились ответить. Только 29% отметили, что «по мнению их родных, друзей, коллег, знакомых у России есть долгосрочная цель и ясное направление развития», и всего 40% «согласились с утверждением о том, что наши дети будут жить лучше нас»².

Проблема короткого и продолжающегося сокращаться горизонта планирования, т.е. фактическое выпадение будущего из кругозора россиян, бизнеса и государства, актуальна. Но именно ее становится все сложнее обсуждать при нынешней политической ситуации. Собственно, *будущее страны* как таковое и не обсуждается (оговоримся, у людей, бизнеса и государства все же разные линии горизонтов), разговор чаще идет о методах прогнозирования, о будущем мира в целом, «желаемом будущем», «образе будущего», о декларации целей к такому-то году и т.п. Или дискутируется, что можно было бы сделать для поддержания социального оптимизма, т.е. как повлиять на настроения людей в условиях, когда перспектива объективно нерадостна. Но это уже ближе к специфической рекламной либо психотерапевтической практике. Предметный же разговор, если он все-таки заходит, ведется в русле обсуждения тех или иных конкретных финансово-экономических акций, модернизационно-технологических (не обязательно технических) новаций, или о некоторой коррекции правил игры (хотя последнее вряд ли, да и данный регистр также не ключевой).

С определенной точки зрения будущее – это побег. Или переворот. Ощувив токи инволюции, административная система менее склонна опознавать настоящее и не заинтересована объективно прогнозировать, тем более позиционировать развитие событий в стране. В лучшем случае она ищет инструментальные, т.е. заведомо краткосрочные способы затормозить или скрыть сползание³. Стремясь найти ему «достойное» обоснование, обществу в качестве источника неудач предъявляется некая дистопическая, манихейская карта мира, начинается умножение образов врага. Речь, в сущности, идет об искажении или отрицании реальности («настоящего») сильными и развращенными кланами, купировании негативного для власти представления о вероятном будущем либо той или иной его деятельной («политической») альтернативы. Также и беспристрастный прогноз оказывается *de facto* «мысленным проступком», находясь за пределами и желаний, и возможностей системы. Слишком уж радикальные,

¹ Большинство россиян не строят долгосрочных планов на жизнь. 2021. – *Российская академия наук. Новости*. Сентябрь. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087#content>

² ВЦИОМ-Спутник. 2021. 25 сентября. URL: https://bd.wciom.ru/baza_rezultatov_sputnik/

³ Претензии на будущее зависят от обладания настоящим, т.е. владения неким реальным ресурсом, позицией, причастностью к действиям тех или иных коллективов. Однако лишь 11% россиян считают, что у них есть возможность влиять на принятие законов и решения властей. А в опросе The Edelman Trust Barometer – 2021 Россия заняла последнее место среди 28 стран по уровню доверия граждан государству, СМИ, бизнесу и НКО: лишь 31% доверяют им. См. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087#content>.

крайне неприятные для правящего слоя меры, да и весьма сложные компетенции требуются сегодня для перемены участи России, предполагающие к тому же вскрытие действительного состояния дел. Отсюда, кстати, синдром рекуррентности – российское «вечное возвращение», увлечение прошлым как перманентно ревальвируемым, набирающим ценность активом, его реконструкции, театрализации и т.п.

Ограниченность перспективы, однако, предопределена не только этими вполне внятным обстоятельством. Проблема серьезнее, и связана она с общим статусом культурной среды, методологической и организационной «архаикой», въевшейся в плоть инструментальной, оперативной логикой, выше/глубже которой разговор в общем-то и не мыслится. Между тем в современном нам мире развитие сопряжено все же не с обретением территорий и наращиванием арсенала деструкции, но с динамичным состоянием общества, адекватным вызовам времени, его креативностью, наличием культурного, интеллектуального, этического потенциала, качеством инфраструктуры, производящей и воспроизводящей образованный слой. Финансово-экономические задачи логистически заполняют платформу, геополитические – вынужденно обременяют.

То, что в России «источником власти является народ» – калька из прописей современности, но не он здесь фактический суверен. У страны иной тип легитимации власти: не рациональный (нормативный) и не часто обсуждаемый традиционный (по лекалам сословного строя). Харизматический же способ, находящийся вроде бы в фокусе внимания, оказывается все более двусмысленным. Вождизм демонстрирует возможности воздействия на систему, однако, это скорее дискретные акции поверх установлений и институций (хотя подчас критические), т.е. подобные стихии. Вместе с тем последнее время все ощутимее выстраивание «гибридной» системы управления данным пространством на условиях, схожих с правовой формулой, выработанной еще на Берлинской конференции 1884-85 гг., – принципом «эффективной оккупации» (способность контролировать и осваивать территорию)⁴. Если так, то нынешнюю ситуацию, возможно, следует рассматривать как кризис постколониального (посттоталитарного) общества, в котором – в силу его (общества) фактически слабой претензии на власть, источником оной оказывается *государство как организация*, самостоятельно, автономно («внешне») от граждан, с той или иной мерой успешности управляющая страной.

Но страна сегодня – это не территория, а люди. Человечество переживает универсальную трансформацию, обретая новую историческую идентичность; а корпоративные и либертарианский ее изводы замещают социальные и национальные модусы современной идентичности, опирающейся на субстрат массового общества. Интеллект и креативность становятся важнее ранжированного усердия; создание инноваций, а не массовый механический труд предопределяет успех производства. Результативная поисковая активность доминирует над распределением результата; казуальность дискредитирует каузальность, а динамическая устойчивость системы в большей мере зависит от искусства взаимодействия с контекстом, способностью общества к высоко-адаптивной самоорганизации. Административные иерархии пасуют перед сетевой конкуренцией и выявляемой ею компетентностью, стремление к контролю проигрывает искусству субсидиарности и динамическому управлению, определение верного маршрута оказывается важнее скорости движения и тем более бюрократической суеты, маскирующей отсутствие продвижения. Актуальная же исследовательская позиция в сфере прогнозирования замещает долгосрочность –

⁴ «Свободное государство Конго» (*État indépendant du Congo*), установление своеобразного статуса которого явилось причиной созыва и одним из результатов работы Берлинской конференции, было приватным предприятием («созеренитетом») с весьма специфической, но признанной легитимностью. Ср. данный казус также с легитимностью квази-государственных образований, наподобие Ост-Индской компании, или с идеей «государства-корпорации».

нелинейностью, глобальность – фрактальностью, а трансдисциплинарные обобщения – перспективной уникальностью.

Пандемия лишний раз подтвердила необходимость отхода от концентрации лишь на известных проблемах и вызовах, обстоятельствах и угрозах. Осмысляя характер возможных перемен, важно учитывать казусы, выходящие за рамки прежнего опыта, расширяя спектр сценариев, характер сил и средств. Тень подобных «неизвестных неизвестностей» провоцирует размышления о суммарных (синектрийных) следствиях многочисленных, порой противоречивых решений и неочевидных коллизий: социальных, правовых, экономических, политических, биологических и т.п. Условие успеха – способность оперативно опознавать, осознавать, усваивать и умело применять непростые модификации жизни, предполагает наличие в обществе критического числа сложноорганизованных и деятельных личностей.

Продвижение к сложной практике востребовало сегодня не только и не столько адаптацию к происходящему, но, учитывая скорость перемен, – преадаптацию к грядущему: синтез атакующей разведки, анализ действий, направленных на освоение будущего (проактивность), контроль и нейтрализацию надвигающихся угроз (превентивность), опережающее, упреждающее заполнение открывающихся ниш (преэмптивность). Правда, и тут есть свои засады. Специфическое самоуверенное невежество, ставка на культуру насилия (прямого и косвенного), уязвимость моральных устоев, извращая нелинейную и бифуркационную природу актуальных методов прогнозирования и проектирования, чреватые скверным разнообразием, гротескным смыслообразованием, фиктивностью концептов, иллюзорностью маршрутов.

Ценный капитал национального сообщества – мысль и действие, имеющие возможность свободно обсуждаться, критиковаться, меняться и развиваться, т.е. эволюционировать. Искусство осмыслять реальность, осознавать и усваивать подлинный, в том числе негативный опыт, избирать перспективу из суммы несовпадающих, но продуктивных технологий и перспективных траекторий – в этом, как представляется, состоит позитивный смысл политической конкуренции. Я с интересом наблюдаю попытки Украины выбраться из другого по характеру, но схожего во ряду параметров болота: коррупция, состояние судебной системы, моральные коллизии, дефицит современных профессионалов и т.д. Однако идут обсуждения, дискуссии, слышна резкая критика, происходит высекающее искры столкновение идей и людей, имеет место политическая конкуренция и кадровый калейдоскоп. Это пестрая палитра человеческих устремлений, драма социального, государственного становления с неизбежными неопределенностями в продвижении, достижениями и срывами.

Меня впечатлили некоторые дискуссии в Китае, связанные с осознанием кризисной ситуации и поисками ее разрешения. Китайские реформаторы, размышляя о превратностях перемен, сформулировали, в частности, необходимые и достаточные условия их успешности.⁵ Так, ускоряющееся развитие технологий невозможно без модернизации институтов, но последнее вряд ли удастся полноценно осуществить, если не перекроить систему, серьезно поменяв правила игры. Однако главное условие успеха – эффективная реформа самой структуры, реформирующей систему, т.е. высокое качество и устойчивость кодификации правил, по которым меняются правила игры. Только после этого, на основе адаптированного к возможным турбулентностям консенсуса можно говорить об открытом будущему, динамичном и компетентном обществе.

Перемены в США – возможно, наиболее актуальная, глубокая по содержанию, с трудом прочитываемая вязь событий, прямо относящихся к проблеме будущего в

⁵ Подробнее см. Неклесса А.И. 2020. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – Экономическая наука современной России № 4 (91). – С. 140-141. URL: http://www.intelros.ru/pdf/neklessa_a.i._ensr_№4_2020.pdf

режимах как его организации, так и преадаптации. А многочисленные бывшие обитатели третьего мира, обращая прежние обременения в ресурс, осваивают планету, образуя пестрые коалиции конструктивного и деструктивного толка. В антропологическом космосе складываются «не имеющие отечества» номадические сообщества, не укладывающиеся в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности. Постсовременность, делая ставку на творческий потенциал, экспериментирует с разнообразием путей самореализации и самоорганизации, оказываясь в симбиотическом союзе с универсальной постколониальностью.

Сценография глобальной трансформации многовариантна и предъясвляет сегодня обилие драматичных сюжетов. Но активное представление будущего, к сожалению, не про нынешнюю Россию, будущее здесь серьезно скомпрометировано, прогнозирование и коррекция состояния страны – экзерсис, не имеющий отношения к практике.

Работы автора по данной теме

- Неклесса А. И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна. (Полис. Политические исследования. № 5 2021).
- Неклесса А. И. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира (Полис. Политические исследования. № 2 2020).
- Неклесса А.И. Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования. (Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. 2020.).
- Неклесса А. И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития (Полис. Политические исследования. № 4 2019).
- Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект (Полис. Политические исследования. № 1 2018).
- Неклесса А. И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации (Полис. Политические исследования. № 1 2015).
- Неклесса А. И. Кризис мировидения (Полис. Политические исследования. № 3 2013).
- Неклесса А. И. Будущее и грядущее: кризис современного мира (Полис. Политические исследования. № 2 2012).
- Неклесса А. И. Эволюция истории – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. 2019.
- Неклесса А. И. Коррозия будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. 2018.
- Неклесса А. И. Приватизация будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. 2018.
- Неклесса А. И. Кризис будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. 2017.
- Неклесса А. И. Созидание будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. 2017.

Неклесса А. И. 2021. Будущее, которое мы избираем. – Глобальная трансформация. *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск*. С. 4 – 7.
